

Раиса Ганжа
(эссе, стихи, рассказ)

СНЫ

Я сидела на крутом обрыве у полотна железной дороги и размышляла о том, каким должен быть размах крыльев у ангелов. Расчеты тех, кто когда-либо занимался этим в своей жизни, к единому результату не приводили.

Изредка прогромыхивали поезда. Солнце стояло высоко в зените. Заросли орешника по ту и эту сторону железнодорожного полотна просвечивались прямыми его лучами. Серые клочки земли перемежались островками пожухшей травы.

Ни плакать и ни смеяться я не могла, не могла думать о том, что тревожило мою душу. Впечатления и мысли дробились.

Я видела девочку, идущую по вспаханному чернозему. Выкорчовывали старый сад, и она несла в руках ветку яблони, отягощенную плодами.

Внезапный порыв ветра приносил запах гари. Дрожала золотая паутина, осевшая и забывшаяся в палой листве.

В жилых домах окраины плакал ребенок. Чистота и прозрачность воздуха позволяли слышать этот плач, как будто ребенок плакал здесь, у меня на коленях.

Были у вас когда-нибудь руки, жалеющие и смягчающие боль утрат и бег времени? Касались ли ваши руки когда-нибудь мягкого тлена осенней земли?

И есть ли имя у птицы, промелькнувшей и исчезнувшей во мраке хвой соснового леса?...

СНЫ

Меня извлекли из небытия. Призвали к жизни. Кто я была, в какой материально-нематериальной субстанции, в каком измерении? Как смогли меня востребовать к новой жизни? Были и прежние, не было и отсвета от них, но было знание – они были.

Я, такая я, какой предстала пред ними, была сплавом мудрости и спокойствия, могущества. Мудрость и спокойствие – были органическими во мне, их нельзя было ни разять, ни отбросить – это был ствол моей души, а листва времени, осенившая меня, нашептала мне, что я женщина, что была ею во всех своих воплощениях.

Вера в мое могущество – исходило от них, от их слов, от их появления здесь – они нуждались во мне. Это была жалкая горстка людей и среди них – высокий человек в черном плаще. Он один говорил со мной. Я никак не могла разглядеть их лиц – все вокруг было неустойчивым и зыбким.

Быть может, мне лишь казалось это, потому что в эти мгновения происходило материализованное становление моего я. Я взглянула на себя их глазами и увидела обнаженную молодую женщину с длинными русыми волосами. Все было голубым и белым, а люди были сумеречны и тревожны. Была ли я для этих людей богоданной или богородной? Я не знала об этом и помнило лишь спокойное и светлое ничто.

Кто-то сказал мне: «Ты должна пойти с нами. Ты виновна в гибели земли и мира. Ты – можешь их возродить. Ты нужна нам и пойдешь с нами. Если откажешься, все равно - пойдешь с нами».

Мое молчание было воспринято как согласие. Человек, лица которого я так и не смогла понять, набросил на меня свой черный плащ, и мы полетели. Лететь было возможно, чем идти: земля представляла из себя океан, земля подразумевалась под необъятной ширью воды, - но перед нами был лишь океан. Человек, не понятый мной, - мы летели с ним рядом – сказал: «Оборотись». Взглянув назад, я увидела: океан ожил, сквозь толщи воды пробились и зеленели острова рослой травы, похожей на лозу. Кое-где появились глинистые островки. Впереди, по мере нашего продвижения и приближения, - происходило то же самое. Это дало мне чувство радости, причастность моя к происходящему была несомненна.

Диалоги по кругу

- Кем ты был в прожитой жизни: Можжевельовым кустом или Боярышником?

- Я был Ристалищем!
  - А кем был ты?
  - Я был...
- Я была Высокой Плачущей Девушкой... а стала...Зажженной Свечой...
... Кем ты?
- Я был Веселым Товарищем, но меня предавали друзья. И я предал их. Теперь я Нечто – не имеющее формы и очертаний. Я стал Амебой.
...Пришла и моя очередь:
  - Я была птицей, тоскующей о своих брошенных и не рожденных детях. Я была птицей, с песней, подобной опадающим лепесткам шиповника... Прости, ты сказал, что был Ристалищем – но, кто ты теперь? ...
  - Ты не узнала меня? Я – птенец, выпавший из твоего гнезда.

Клевер белый и клевер красный

Отсюда мне виднее ваши жизни и страсти, люди!

Отсюда, где растет клевер белый и клевер красный; отсюда, где присутствует запах вызревшей земляники и глубокой старины...

Я стою на холме и вижу волнообразное движение травы: оно нарастает, исчезает и проявляется вновь.

Перед лицом большого мира и разных дорог; перед лицом людей жестоких и лицом людей любимых – отшатнулось знание и стало исповедью.

Жизнь уходила стремительно. Ведь у тел, как и душ человеческих, есть крылья. Крылья незримые несут нас по свету, и стареет душа, и стареет тело, проявляется и исчезает то, к чему приросли мы сердцем. Серая пыль вечных дорог оседает сединой на наши головы. Мы улыбаемся, смеемся, плачем и не смеем оглянуться назад...

Наше прошлое плачет и живет, и страдает там, за нашими спинами. Оскорбленная любовь сама сжигает себя. Ей лучше умереть, но быть униженной невозможно. Высокие деревья машут ветвями; зеленая упрямая трава щетинится на проселках...

А за знакомым и памятным ручьем снова расцвели незабудки.

О НЕЙ

Господи! Зачем тебе птица, поющая лишь грустные песни?

Довольно ведь птиц разных: и жизнь славящих, вопреки своим птичьим невзгодам; и других, сипеньем или хрипом песнь свою вымучивающих, застрявшую в певческом горле; и многих еще: больших и малых, поющих и безголосых...

Так зачем же в этой птице, в пенье ее – безутешная сила тоски? Нет в слезах и в следах уходящего, - нет утешения.

Высоки горы и звезды, но еще выше – думы и чаянья наших душ; глубоки ущелья и пропасти, но глубже, на глубине незримой человеческого сердца – помыслы людские.

Птице немного нужно: петь о чужих сгинувших веснах и судьбах; ее же судьба с нею, а весны у нее не было. Она знала лишь осень жизни.

Господи! Так зачем же тебе нужна была птица, с песнью, подобной опадающим лепесткам шиповника; с голосом, повествующим о небывалых надеждах и небывалых утратах?...

***

Не шла ты на руки
И все дичилась.
Болела, мучалась,
Потом решилась.

Шаг первый сделала,
Взглянув несмело.

Была ты женщиной,
Но неумелой.

Рассыпав волосы,
Лицо закрыла.

Была ты птицею,
Пока бескрылой.

Мы долгой дорогою шли:
Рождений, свершений, надежды...
Но смерти морочащий штиль
Заставил нас сбросить одежды.

В своей наготе мы равны:
Жена и Младенец, и Колосс.
В бескрайности смертных равнин

Житейский теряется голос.

Напрасно взываешь к камням,
И к небу напрасно взываешь!
Зачем вспоминаешь меня?
Зачем ты меня вспоминаешь...

Васька

В узком проулке, что вел к четырем одноэтажным зданиям восьмилетней школы, бушевало цветенье сирени. И землянка Васька помещалась в гуще этих сиреней. Не всякий, кто проходил мимо, ломил себе веточку и не всякий о Ваське вспоминал. После смерти матери жил он никому не нужный, всеми презренный до жалкости. Хоть и ходили по деревне давние слухи, то Васек-то не такой дурак, как о нем думают, и каким он другим представляется.

А что хором не построил, так их на убогую пенсию и никому невозможно выстроить. Живет в мазанке подземной, за печкой кирпичной, в гости - ни к кому, и никому, - собой довольствуется. Оконце над землей слепенькое; темнота в оконце к вечеру: ничего-то не увидишь – кто там живет и зачем живет. Ребяшня деревенская смельчаков первых не на кладбище ночью посылала, что б страху набрались, а к оконцу васькову. По крапиве, по траве немятой, пополам сложившись, в чужое окно, в чужую жизнь тарашиться (не окно, а стена; не Васька, а сатана). Да что там говорить – пугалом огородным Васька для всех был. Малышей, тех и вовсе пугали: «Придет Васек – заберет в мешок, с собой унесет». А мешок у Васька был обычный, рогожный и размеров обычных.

Что Васька изредка из дому выгоняло – голод или холод зимний – неведомо; но два-три раза за зиму входил Васька в чужую избу, станет у порога, большой и насуспенный, в засаленном плаще поверх такой же фуфайки, с мешком знаменитым в руке – стоит и молчит. Хозяйки добрей мужиков были: по привычке уже бросали в мешок хлеба или сала кус, картофелин пару.

Не говоря ни слова, разворачивался Васька и шел к другой избе. Живые и цепкие давали ему часто то, чем сами жили, не кичась перед ним своей хорошестью, но и особенно о нем не боля.

И шел Васька по заснеженной дороге людской в валенках разношенных, заношенных и никому-то не кланялся, ни с кем не здоровался.

Черный дымок вился среди голых зимних сиреней, из трубы васькова дома. Председатель сельповский как-то два мешка муки ему на лошади сухим пайком привез из колхозной кладовой опосля одного из его походов. Но Васька не нашел ей применения, и соседние видели, как он те мешки с мукой под гору к реке сволок и у старой дуплистой ракиты в прорубь спустил. А потом снова залег в свой берлоге.

«Кому петь, а кому стонать; кому жить, а кому - помирать».

Вьется из трубы дымок – жив Васька! Тащит из ближнего леса вязанку хвороста на спине – жив здоров Васька. Деревенские – люди доходчивые и отходчивые, все – на виду и на слуху, а особо в чужую жизнь не лезли – в своих разбирались. Окромя ребятни, кто о Васька больше знал – старики разве, а они всякое видели, ничему уже не дивились. Не дурак Васька и не прост, хоть за глупость свою и молчаливость с малолетства от государства пенсию получал. Помнят старики васьков велосипед деревянный, который он в раннюю пору жизни сделал, и на нем по деревне прокатил. В студеную зиму, видно, сжег он его в своей печенке. Да и летом не жарело у него, и летом печку топил.

После васьковой угарной смерти в майскую ночь не смогли люди дверь выломать – на крепком засове был трухлявый домишко. Разобрали зеленевшую соломой крышу, разнесли в стороны гнилые балки, нашли Васька умертого на земляном метеном полу.

Через год, наверное, от васьковой жизни не осталось и следа земного. Обломки его дома в черном костре сгорели. А Васька на кладбище сельском лежал, за пять верст от деревни, куда свезли его добрые люди. Вспомянули, что было вспомнить; крест деревянный потрудились на могилке поставить, что б не прежде земной заросла, чем хозяин свое тело истратит.

По тем же местам ходит память о бывшем. По тем же местам зреют краснобокие ягоды земляники. По тем же местам цветут душистые сирени, по тем же местам заревыми ночами поет соловей...

